

Съ развѣдчинами 30-го полка по Урянхайскому краю и Монголіи.

(Дневникъ начальника команды развѣдчиковъ 30-го Сиб. стрѣлк. полка).

(Продолженіе 1).

Тысячъ на 7 футовъ поднимаются голые зубцы хребта, въ складкахъ котораго берутъ начало рѣчки Ургунь, Беделикъ и Кули-Кемь. Гребни изрѣзаны глубокими ущельями; русла завалены обломками камней. Скаты поросли густымъ кустарникомъ, сосной, пихтой, выше начинается лиственница, заросли мелкой березы, можжевельника, а еще выше растутъ одни лишай, да оленій мохъ. Вѣчная темнота царитъ на днѣ ущелій, гдѣ лѣтомъ kloкочуть потоки, срывающіе силой теченія камни и вѣковыя деревья. Теперь, морозомъ скованные, спятъ бурные потоки; подъ бѣлымъ саваномъ снѣга погребены трупы лѣсныхъ великановъ, сорванныхъ бурей. Тишина непробудная. Только изрѣдка изъ-подъ ногъ вспорхнеть стая бѣлыхъ горныхъ куропатокъ да пронесется по вѣткамъ кедра бѣлка.

1) См. «Военный Сборникъ», № 5.

Тяжело было подниматься по крутому ущелью Ургуни. Шли безъ тропь, наугадъ, по поясъ увязая въ глубокихъ сугробахъ снѣга. Старались держаться надвѣтренной стороны, гдѣ чернѣли, обнаженные отъ снѣга, россыпи скатовъ. Но трудно было двигаться по острымъ обледенѣвшимъ обломкамъ. Камни срывались подъ ногами, съ грохотомъ скатывались внизъ. Попадались поперечныя щели съ отвѣсными берегами. Кое-какъ спускались, скатывались внизъ и затѣмъ опять поднимались вверхъ, цѣпляясь руками за выступы камней, за колючія вѣтки кустарниковъ.

Выбиваясь изъ силъ, останавливаясь черезъ каждые 20—30 шаговъ, мы только къ заходу солнца поднялись настолько, что увидѣли главный массивъ горнаго узла. Ущелье расширилось, далеко отошли боковыя развѣтвленія, скаты стали положе. Еще далеко до вершины, но уже теперь, оглянувшись назадъ, мы видѣли далекіе зубцы и гряды синѣющихъ горъ. Какъ волны внезапно застывшаго моря, неподвижныя, угрюмыя, они пламенѣютъ въ лучахъ заходящаго солнца.

Жуткимъ величіемъ вѣетъ отъ этой картины, необъятной, сурово-неподвижной.

По фону бѣлѣющаго ската черными точками медленно ползутъ люди.

Тамъ подъ навѣсомъ темныхъ кедровъ, гдѣ намѣченъ пунктъ ночлега, загорается огонекъ. Потянуло дымомъ. Общими дружными усилиями срублены громадныя сухостои и запылалъ костеръ, у котораго никакой морозъ не страшень. Послѣ того, какъ догорѣлъ костеръ, разгребаютъ головешки на двѣ стороны; оттаявшая земля застилается слоемъ мягкой хвои, а по сторонамъ вновь устраиваются костры изъ большихъ лѣсинъ, положенныхъ одна на другую продольно. Даже въ самый сильный морозъ можно спать, снявъ и накрывшись полушубкомъ, если ночлегъ устраивается по этому испытанному сибирскому способу. Передъ огнемъ развѣшиваются онучи и бродни для просушки. Костеръ поддерживается всю ночь дежурнымъ, который, кромѣ того, долженъ слѣдить, чтобы отъ случайной искры не загорѣлась одежда спящихъ.

А какъ сладко спится послѣ утомительнаго перехода по тайгѣ!

На четвертый день весь отрядъ, безъ отсталыхъ и больныхъ, вернулся въ Усть-Усинское. Поискъ не далъ положительныхъ результатовъ. Ни по Ургуни, ни по Кули-Кему не было обнаружено

даже слѣдовъ урянховъ. Васильевъ вернулся съ Кемчика, представилъ тщательно вычерченные кроки мѣстности вокругъ пограничнаго знака и доложилъ, что даже мирные сойоты откочевали далеко вглубь страны; сторожевыхъ отрядовъ же и слѣдъ простылъ.

По Енисею возобновилось усиленное движеніе обозовъ. Сотнями потянулись караваны изъ Минусинска съ товарами, направляемыми въ Урянхайскій край. На встрѣчу имъ двинулись сани, доверху нагруженные шкурами, масломъ, облѣпихой, рябчиками, шерстью. Съ Уса стали выѣзжать купцы и золотопромышленники. Закипѣла жизнь въ поселкѣ. Моховъ жаловался, что запасы овса и сѣна приходятъ къ концу, и прикинулъ еще по полтиннику на пудъ.

Къ этому времени пріѣхалъ съ Кемчика и Максимъ Ивановичъ Бяковъ. Умный, выдавшій виды старикъ успѣлъ произвести самое выгодное впечатлѣніе на полковника П. Послѣ объясненій Бякова, обнаружившихъ истинное значеніе грязныхъ доносовъ, конечно и рѣчи быть не могло о высылкѣ или арестѣ Максима Ивановича.

Меня онъ горячо поблагодарилъ за ходатайство и просилъ, въ случаѣ пріѣзда на Кемчикъ, посѣтить его заведеніе.

«Теперь тамъ мой племянникъ и я напишу ему, чтобы вамъ и солдатамъ было оказано полное гостепріимство».

Старикъ Бяковъ оказался не только милымъ собесѣдникомъ, но и хорошимъ партнеромъ, и въ тотъ же вечеръ, въ польскій банчекъ, выигралъ у меня послѣдній четвертой билетъ.

Въ Усть-Усинскомъ, какъ на постояломъ дворѣ, стоящемъ на перепутьѣ, сходились въ зимнее время купцы и промышленники со всѣхъ концовъ Урянхайской земли. Днемъ и ночью звенѣли бубенчики; хозяйка и невѣстки Мохова, вертлявыя скуластыя татарки, неустанно хлопотали надъ самоварами и прижусками. Проѣзжіе, за неимѣніемъ свободныхъ комнатъ, располагались прямо на полу на Моховыхъ дохахъ и шубахъ, въ амбарахъ, въ банѣ, на кухнѣ.

Пріѣхали «сверху», съ Малаго Енисея, Мозгалевскій, потомокъ повстанца «63 гоку»—увѣшанный золотыми брелоками изъ «собственныхъ» самородковъ; Черневичъ, красивый, представительный старикъ, авторъ поэтической легенды о золотой чашѣ, скрытой въ нѣдрахъ Саянскихъ горъ. вмѣстѣ съ мелкими скупщиками шкуръ, шерсти и прочаго сырья, татарами и русскими, пріѣхали «оптовики»—Медвѣдевъ, Вавилинъ, Шипилинъ, кряжистые купцы съ обвѣтренными отъ мороза лицами, считающіе свой годовой оборотъ

сотнями тысячъ. Были, конечно, и представители гонимаго племени, не имѣющіе права жительства, но фактически владѣющіе землями и маральниками въ Усинскомъ краѣ.

Провелъ нѣсколько дней у Мохова самый популярный въ краѣ человекъ—Егоръ Павловичъ Сафьяновъ. Несмотря на свой почтенный возрастъ—ему подѣ 70 лѣтъ, на утомительную зимнюю дорогу, онъ почти всю ночь провелъ съ нами въ оживленной, увлекательной бесѣдѣ. Живая хроника края, тонкій знатокъ экономической жизни, культурнаго и политическаго значенія Урянхая, Егоръ Павловичъ еще разъ выдвинулъ огромной важности вопросъ о необходимости пересмотра пограничной линіи. Сѣрые пронизательные глаза его вспыхивали юношескимъ блескомъ, его страстная рѣчь, построенная на неопровержимыхъ аргументахъ и обоснованная логически, невольно убѣждала и покоряла слушателя.

Недаромъ такіа лица, какъ графъ Кутайсовъ, графъ Витте, графъ Игнатьевъ, охотно давали ему аудіенціи, читали его докладныя и находили время бесѣдовать съ представителями какого то дотошнѣ невѣдомаго Урянхайскаго края.

Что возбужденный ими вопросъ до сего времени еще не получилъ опредѣленнаго политическаго рѣшенія, что всѣ послѣдовавшіе затѣмъ труды и работы по опредѣленію истиннаго направленія пограничной линіи вѣроятно стали уже достояніемъ архивовъ, конечно, явленіе очень грустное.

Но дѣло, которому Сафьяновъ посвятилъ весь закатъ своей жизни, не заглохло. Оно окрѣпло и вылилось въ формѣ мирнаго культурнаго роста и процвѣтанія русскаго труда и энергіи въ спорномъ зарубежномъ краѣ.

Ростъ заимокъ и поселковъ въ хлѣбородныхъ долинахъ Верхняго Енисея, улучшение путей сообщенія, устройство пароходства по Енисею, укрѣпленіе русской торговли, созиданіе школъ и церквей, мирное приобщеніе урянховъ къ благамъ новой культуры—такія побѣды русской государственности достигнуты не штыками, не путемъ хитроумныхъ дипломатическихъ комбинацій.

Приобщеніе Урянхайскаго края къ Россіи не скрѣплено юридически, но оно совершилось *de facto*. Только сознаніе исторической правды могло дать силу и устойчивость проникновенію въ краѣ русской культуры.

И надъ пробужденіемъ и ростомъ этого сознанія работалъ, не покладая рукъ, Сафьяновъ. Не суждено было видѣть ему осуществленія своихъ думъ и мечтаній!

Въ прошломъ году скончался Георгій Павловичъ. Похороненъ онъ въ своемъ родномъ городѣ, въ Минусинскѣ. Да будетъ земля ему пухомъ!

Тихо катитъ волны безпредѣльный Енисей. Съ сверкающихъ на солнцѣ снѣговыхъ вершинъ далекихъ Саяновъ несется бурными порывами весенній вѣтеръ. И въ рокотѣ волнъ, и въ шелестѣ вѣтра, слышится привѣтъ покойному, привѣтъ изъ далекихъ сожженныхъ солнцемъ степей, изъ ущелій тѣхъ горъ необъятныхъ, гдѣ зарождаются истоки величайшей русской рѣки—Енисея.

Давно уже остылъ самоваръ. Сквозь ледяные узоры окна глядѣла темная непроглядная ночь. А мы все еще сидѣли за столомъ и по разложенной сорокаверсткѣ слѣдили за оживленными объясненіями Георгія Павловича.

Разсказывалъ онъ, что, несмотря на тревожное время, переживаемое русскою золотопромышленностью въ зарубежномъ краѣ, дѣла его идутъ блестяще и что онъ озабоченъ привлеченіемъ новыхъ лицъ и капиталовъ. Ближайшей цѣлью его является устройство драги и экскаватора на одномъ изъ самыхъ крупныхъ его пріисковъ, на рѣчкѣ Тапсѣ.

«Расширеніе уже разрабатываемыхъ пріисковъ, развѣдки и оборудованіе новыхъ требуютъ конечно большихъ денегъ, но я уже нашелъ пайщиковъ. Формальности по заявкамъ и отводу новыхъ золотоносныхъ площадей тоже закончены, но вотъ характерное явленіе: въ вѣдѣніи Минусинскаго горнаго окружнаго управленія считаются всѣ пріиски и заявки въ районѣ Верхняго Енисея и вотъ съ насъ неукоснительно взыскиваютъ всѣ установленные закономъ налоги, пошлины, сборы, а въ то же время берутъ расписку такого рода—въ случаѣ какихъ либо политическихъ недоразумѣній съ Китаемъ, никакихъ претензій къ русскому правительству предъявлено не будетъ».

Золотопромышленностью Сафьяновъ сталъ заниматься сравнительно недавно. Но начало его торговой дѣятельности относится еще къ началу 70-хъ годовъ, когда Сафьяновъ впервые выѣхалъ съ товарами на Улу-Кемъ и построилъ заведеніе на мѣстѣ сожженной сойотами заимки купца Веселкова.

Съ теченіемъ времени возникаютъ Сафьяновскія заведенія на Турулѣ, на Чагулѣ, на Булукѣ, по Кемчику; завязываются непо-

средственныя сношенія съ китайскими фирмами въ Улясутаѣ, въ Кобдо.

Хорошія были тогда времена, когда у сойота можно было купить барана за пару иголокъ, когда «головной» быкъ цѣнился по длинѣ куска плеса, протянутаго отъ роговъ до хвоста. Наживались громадныя барыши, но и рискъ былъ великъ. По мѣрѣ того, какъ развивались торговыя сношенія, увеличивался кругъ покупателей—усложнялись и запутывались долговые расчеты, пробуждались хищническіе инстинкты у некультурныхъ кочевниковъ, главнымъ образомъ среди ламъ и чиновныхъ лицъ хошунной администраціи.

Кражи стали явленіемъ самымъ обыкновеннымъ; были случаи отчаянныхъ грабежей, убійствъ и насилій надъ прикащиками Сафьянова. Расхищались товары, гурты скота, не выплачивали долговъ и Сафьянову приходилось возбуждать иски къ хошуннымъ управленіямъ въ десятки тысячъ рублей. Китайскія власти въ Улясутаѣ тормозили дѣла, выгораживая виновныхъ, направляя дѣла по ложному слѣду. У сойотъ являлось убѣжденіе въ безнаказанности насилій по отношенію къ русскимъ.

Но Георгій Павловичъ не палъ духомъ. Упорно продолжая и развивая начатое дѣло, онъ лично никогда не прибѣгалъ къ хищническимъ приемамъ торговли, не обманывалъ, не эксплуатировалъ кочевниковъ и постепенно, съ годами, перемѣнилось и отношеніе урянховъ. Пришелъ «черный годъ» надъ урянхайской землей—жгучимъ солнцемъ спалило траву, не стало корму. Погибла скотина, и по всему краю сталъ свирѣпствовать голодъ. Вокругъ юрты валялись выброшенные трупы дѣтей. И вотъ Сафьяновъ раскрылъ свои амбары и склады и безъ отчета, безъ записи, роздалъ всю муку свою голодающему населенію. Теперь «Егоръ Бай» пользуется широкой популярностью и уваженіемъ среди кочевниковъ урянхайскихъ хошуновъ, отъ Дархатъ до Кемчика.

Уваженіе это связано съ суевѣрнымъ страхомъ—его считаютъ шаманомъ, не только способнымъ торговать съ прибылью, но и повелѣвать погодой и вѣтрами.

Мнѣніе такое сложилось у сойотъ подъ впечатлѣніемъ такого эпизода: какъ то ранней весной на Талсъ у Сафьянова пировали гости—старѣйшины и чиновники разныхъ хошуновъ. Къ вечеру гости стали собираться домой, говоря, что опасаются вскрытія Енисея и ледохода и что тогда имъ не попасть на тотъ берегъ.

Хозяинъ сталъ удерживать дорогихъ гостей, убѣждая ихъ, что

ледь еще не скоро тронется. А чтобы ихъ вполне успокоить, вбилъ колъ въ ледь рѣки, протянулъ отъ него веревку къ берегу и прикрутилъ ее къ другому колу.

«Не вскроется теперъ Енисей, пока не разрублю веревки».

Выпучивъ глаза, смотрѣли сойоты на Егоръ-Бая, покачали головами.

Опять появилась арака, опять стали пировать и веселиться.

На другой день гости благополучно переправились по льду на тотъ берегъ.

И, о чудо! вслѣдъ за ними выпелъ и Егоръ-Бай, разрубилъ канатъ и всколыхнулся, загрохоталъ ледяной покровъ Ха-Кема. Сойоты, охваченные суетвѣрнымъ ужасомъ, ударили по конямъ и поскакали къ своимъ юртамъ, повсюду разнося вѣсть о чудотворной силѣ Егоръ-Бая.

Но, конечно, не только такими невинными мистификаціями заслужилъ онъ славу и довѣріе, какъ среди сойотъ, такъ и монголовъ. Глубоко его уважало и мѣстное русское населеніе. Какъ Усинское, такъ и новые поселки Туранъ и Уюкъ многимъ обязаны Сафьянову. Дѣло устройства въ краѣ колесныхъ дорогъ, постройки церквей, школъ, больницъ—всѣ эти культурныя начинанія неизмѣнно связаны съ его именемъ. Онъ же часто попадаетъ въ отчетахъ и трудахъ ученыхъ и путешественниковъ, посѣщавшихъ этотъ труднодоступный, малоизвѣстный край.

Многіе изъ изслѣдователей края обязаны Егору Павловичу со вѣтомъ, помощью и цѣнными указаніями. Въ одной изъ предыдущихъ главъ я уже имѣлъ случай указать, что онъ, какъ близкій другъ покойнаго Мартьянова, принималъ самое дѣятельное участіе въ дѣлѣ созиданія и развитія Менделѣвскаго музея. Дѣятельность Сафьянова была по достоинству оцѣнена Императорскимъ Географическимъ Обществомъ, присудившимъ ему званіе почетнаго члена.

Торговля операціи давали ему громадныя барыши, и Сафьяновъ давно былъ бы крупнымъ миллионеромъ, но съ открытіемъ въ краѣ золотыхъ росышей онъ почти совершенно забросилъ торговлю и со всей страстностью своей кипучей натуры предался новой дѣятельности.

«Рискованъ человекъ!» говорили про него мѣстные крестьяне: «почитай, весь скотъ урянхайскій въ землю закопалъ».

И, дѣйствительно, непрерывно идущія развѣдки, изысканія, оборудованіе новыхъ приисковъ, проложеніе дорогъ, выписка машинъ, содержаніе громаднаго штата служащихъ и рабочихъ стоили Сафьянову колоссальныхъ денегъ.

Ни одно предпріятіе не сопряжено съ такимъ рискомъ, не связано съ такими часто обманчивыми расчетами и несбыточными надеждами, какъ добываніе золота изъ труднодоступныхъ нѣдръ земныхъ.

И несмотря на всѣ убытки, неудачи и разочарованія, Сафьяновъ не отказался отъ надежды хотя бы на склонѣ лѣтъ увидать осуществленіе завѣтной мечты—отыскать ту золотую чашу, которая, по преданіямъ стариковъ сойотъ, скрыта отъ жадныхъ глазъ людскихъ гдѣ-то въ неизвѣданныхъ еще дебряхъ Саянскаго хребта—глубоко, въ расщелинѣ скалы, никогда не видящей солнца—«Кунтигъ-безъ-кая».

И по его глубокому непоколебимому убѣжденію это будущее Эльдorado въ верховьяхъ Енисея существуетъ и должно считаться искони русской областью.

Официальная пограничная линія, проведенная причудливыми зигзагами наперерѣзъ теченія Енисея на нашей сороковерсткѣ, является результатомъ исторической оплошности, нелѣпаго истолкованія основныхъ, руководящихъ пунктовъ Буринскаго договора 1727 года.

Все ужъ спало въ поселкѣ. За стѣной раздавался густой храпъ хозяйской семьи. Не угомонились только развѣдчики. Въ тишинѣ морозной ночи еще гремѣли звуки хоровой пѣсни—это они проводжали дружинниковъ, распущенныхъ по домамъ. Шѣли традиционную сибирскую пѣсню про Ермака Тимофеевича:

Намъ смерть не можетъ быть страшна,
Свое мы дѣло совершили,
Сибирь Царю покорена
И мы недаромъ въ свѣтѣ жили.

Замерли послѣдніе звуки пѣсни и наступила минута молчанія. И глядя на сидящаго предо мной высокаго, слегка сутуловатаго старика, съ умными рѣзкими чертами лица, прислушиваясь къ его образной, страстной рѣчи, мнѣ казалось, что я вижу передъ собой одного изъ тѣхъ славныхъ землепроходцевъ былыхъ временъ, что по горнымъ хребтамъ, по рѣчкамъ и волокомъ прошли всю Сибирь изъ конца въ конецъ, собирали ясакъ съ инородцевъ, строили городки и остроги и били челомъ Царю московскому новыми землями, новыми морями.

Б. Августусъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

